

УДК 32.01
ББК 66.04

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ¹

А.В. Войтов, А.П. Галкин

Опираясь на подходы, существующие в отечественной политической теории, авторы анализируют содержание понятия «политическая элита», аргументируя свою позицию результатами регионального эмпирического исследования. В статье рассмотрены особенности региональной политической элиты, в том числе пути и формы ее рекрутирования, дана оценка степени ее включенности в региональные модернизационные проекты.

Ключевые слова: *политическая элита, элитизм, регион, политические институты, власть, клиентелла, формы рекрутирования элит, модернизация, социально-политические проекты.*

Выявление роли региональных политических элит в модернизации российского общества требует, прежде всего, тщательного философского анализа категорий «политическая элита» и «региональная политическая элита», дать им качественную характеристику, позволяющую отличать данные понятия от родственных категорий: «номенклатура», «бюрократия», «правлящий класс» и т. д. Эти проблемы активно обсуждаются в элитологии как одной из субдисциплин, находящихся на стыке социальной философии, политологии и политической социологии. Основой элитологии является элитизм как система теоретических воззрений и методологических принципов. По поводу элитизма до настоящего времени не существует единства мнений. В работах российских и западных специалистов по изучению элит высказываются различные точки зрения, которые отличаются друг от друга отношением к месту и роли элитизма в системе общественнознания и в обществе в целом.

Рассмотрение элитизма как теории научного анализа связано со становлением отечественной элитологии как научной дисциплины. В трудах Г.К. Ашина, А.В. Понеделкова, В.В. Радаева, О.И. Шкаратана и других исследователей анализировались классические и современные труды западных ученых на предмет социальной и политической дифференциации, включая различные концепции элит [5; 18; 19]. Авторы выделяли два основных направления в изучении элитных групп западными исследователями, условно называемые «линия В. Парето» и «линия Г. Моска». Указанные линии и составляли основу эпистемологической альтернативы «эгалитаризм – элитизм».

Вильфредо Парето, Хосе Ортега-и-Гассет, Дэвид Рисмен и ряд других исследователей рассматривали элиту с позиции эгалитаризма, как слой людей, добившихся наивысших достижений в своей области деятельности: «мы берем класс людей, обладающих наивысшими индексами в своей сфере деятельности, и называем этот класс элитой» [23, р. 35]. Напротив, Гаэтано Моска, Гарольд Лассуэл, Чарльз Райт Миллс и другие западные исследователи считают элиту относительно закрытой и сплоченной группой, хотя и определяют ее по-разному: «правлящий класс»

(Г. Моска), «политическая элита» (Г. Лассуэл), «властвующая элита» (Ч.Р. Миллс). Именно эта группа сосредоточивает в своих руках политическую, военную и экономическую власть в обществе, всячески препятствует вхождению во власть представителей других слоев населения: «Во всех обществах, начиная с едва приближающихся к цивилизации и заканчивая современными, передовыми и мощными обществами, всегда возникает два класса людей: класс, который правит, и класс, которым правят. Первый класс, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть и наслаждается преимуществами, которые дает эта власть, в то время как другой, более многочисленный класс управляется и контролируется первым, причем, таким способом, который обеспечивает функционирование политической организации» [22, р. 252].

С вышеуказанным направлением тесно связано понятие элитизма как способа анализа окружающей действительности, существующих в обществе социальных отношений. Методологическим различием здесь является тот факт, что в первом случае акцент делается на онтологические характеристики концепций, а во втором – на гносеологические. Здесь, как указывает В.П. Мохов, элитизм, с одной стороны, противостоит марксизму, а с другой – демократизму (либерализму) [16, с. 20]. Дискурс в рамках альтернативы «элитизм – марксизм» разворачивался по отношению к дихотомии: «советское (бесклассовое) общество – буржуазное (классовое)». С позиции классического марксизма в бесклассовом обществе не может быть господствующего класса, а следовательно, политических элит. Поэтому понятие «элитизм» может быть использовано только по отношению к классовому обществу. И здесь основной научной проблемой выступал вопрос: «А было ли советское общество бесклассовым?», по поводу которого мнения ученых кардинально различались.

Многие зарубежные исследователи (М. Джилас, П. Бергер, М. Восленский и др.) считали советское общество и общества других социалистических стран классовыми, и, соответственно, марксистский анализ пригодным для его изучения [7; 8; 10; 14]. В этом

отношении понятие «политическая элита» рассматривалось как синоним понятий «господствующий класс», «номенклатура» и т.д. Другие ученые считали советское общество бесклассовым и, соответственно, категорию «политическая элита» непригодной для его изучения [1; 4; 9].

Также категорию «политическая элита» непригодной для изучения советского общества считали сторонники демократизма (либерализма), но по другой причине. Последние постулируют, что политические элиты – продукт современного индустриального (модерн) общества, где органы власти и управления формируются выборным путем, в результате реальной конкуренции. Как указывает Чарльз Эндрейн, в демократических обществах «народ имеет возможность свободно выражать предпочтения тому или иному политическому курсу, получать доступ к ведущим политикам, принимать решения относительно проблем, которые образуют “повестку дня”. Права участия включают в себя право избирать лидеров, а также возможность быть вовлеченными в самые разнообразные формы участия в процессе принятия политических решений» [21, с. 15]. Напротив, в недемократических обществах, по мнению сторонников демократизма, общественность таких прав и возможностей лишена: «сильный партийно-государственный аппарат передает приказы вниз по бюрократической лестнице» [там же, с. 17].

Таким образом, в трудах отечественных и зарубежных ученых само понятие «политическая элита» понимается по-разному. В обобщенном виде можно выделить следующие точки зрения на концепт политической элиты:

- Политическая элита – это экономически и политически господствующий класс, сосредоточивший в своих руках материальные и нематериальные ресурсы.
- Политическая элита представляет собой группу, осуществляющую власть и управление в обществах любого типа.
- Политическая элита – продукт модернизации общества, она может существовать только в индустриальном обществе. Причем в любом обществе, имеющем индустриальные черты: капиталистическом и социалистическом, западном (либеральном, демократическом) и неза-

падном (сохраняющем элементы традиционной культуры).

- Политическая элита – феномен, присущий только западному обществу, где существует выборная система рекрутирования представителей власти и управления, а также политическая конкуренция; в обществах других типов «группы власти» следует именовать с помощью иных категорий.

На наш взгляд, под политическими элитами следует понимать нуждающиеся в легитимации относительно закрытые привилегированные группы, принимающие политические решения и организующие исполнение последних. Из признаков политических элит следует выделить: высокий политический статус (занимание высших должностей в органах власти и управления); обладание определенными льготами и привилегиями, которые являются атрибутом занимаемого статуса; относительная закрытость и замкнутость; а также необходимость легитимации политического продвижения и деятельности. Политическую элиту следует отличать от бюрократии, поскольку термином «бюрократия» следует обозначать группу лиц, выполняющих определенные административные функции, не связанные с доступом к органам политической власти и управления. В отличие от политических элит рекрутирование и деятельность бюрократии не нуждаются в легитимации со стороны населения, все претензии в адрес деятельности бюрократии переадресуются элитам.

Что касается номенклатуры, то она представляет собой одну из разновидностей политических элит, поскольку ее деятельность нуждалась в определенной легитимизации со стороны населения. Таким образом, «номенклатура является правящей элитой советского общества, то есть группой, обладающей наиболее высоким объемом (индексом) власти или доступа к ресурсам и центрам власти» [6]. Номенклатура не являлась классом, так как ни дворянство, ни буржуазию, ни другие классовые группы нельзя называть политическими элитами, поскольку не все представители данных социальных групп осуществляют функции власти и управления.

По аналогии с понятием «политическая элита» мы будем определять и понятие «ре-

гиональная политическая элита». В данном случае «региональная политическая элита» будет являться понятием, обозначающим определенную группу индивидов, занимающих высшие политические и административные позиции в регионе, благодаря чему они способны повлиять на принятие политических решений, но только на определенной территории, а именно в регионе. Теоретически понятие «региональная политическая элита» будет интегрированным понятием, определяемым соотношением более широких категорий: «регион» и «политическая элита».

Под регионом РФ, как отмечает Г. Немирова, понимаются субъекты Российской Федерации, для которых характерны:

- 1) географическая целостность;
- 2) встроенность в социально-экономическое устройство территории Российской Федерации;
- 3) экономическая целостность, проявляющаяся в комплексном развитии отраслей хозяйства;
- 4) системность – развитие внутри региона экономических, демографических, культурных, социальных, экологических и других связей, составляющих систему с воспроизводственным процессом территории;
- 5) экономическая самостоятельность, заключающаяся в осуществлении социально-экономической деятельности в субъекте РФ на основе самостоятельного осуществления бюджетного процесса [17].

Появление региональных политических элит в России связано с процессом регионализации, который повлек за собой автономность и обособленность субъектов РФ как от федерального центра, так и друг от друга. В этом отношении мы можем говорить не только о региональных политических элитах, но и об элитах экономических, интеллектуальных и т. д. Если говорить об обособлении региональных политических элит, то здесь В.П. Мохов понимает под регионализацией процесс выделения региональных элит из общего пространства элит как по «вертикали» (между элитами центра и массами, между федеральными элитами и местными), так и по «горизонтالي» (между элитами различных регионов), сопровождающийся изменением их политического статуса, места и роли в системе властных отношений.

В модернизации политической системы России региональные политические элиты должны играть достаточно заметную роль. Регионы РФ значительно отличаются между собой по этническому, конфессиональному, профессиональному и другому составу населения, историческим традициям, наконец. Соответственно, различается социальная и политическая ориентация региональных политических элит. Региональные политические элиты, как правило, имеют социальные и генетические связи с определенными социальными группами региона, являются носителями их социально-экономических, социально-политических и социокультурных интересов, которые требуют своего политического выражения, признания и контроля.

Вместе с тем политические элиты, в том числе и региональные, представляют собой обособленную, достаточно замкнутую группу, имеющую собственные интересы и потребности. Поэтому очень важно выявить, в какой степени политические элиты являются носителями интересов различных категорий населения региона, а в какой – собственных узкогрупповых интересов; в какой степени они зависят от федерального центра, а в какой – от местных политических, экономических и социокультурных сообществ. Элиты должны выполнять две взаимосвязанные, но противоречивые функции: с одной стороны, они должны были определить наиболее приемлемые способы включения масс в модернизационные процессы, с другой – обозначить пределы участия масс в модернизационных процессах, корректируя тем самым инициативы центра.

Следует отметить, что в отечественной литературе существуют достаточно противоречивые мнения относительно роли и значения региональных политических элит в модернизации политической системы российского общества, а также ее подсистем регионального уровня. По этому вопросу можно выделить несколько точек зрения.

Согласно первой точке зрения региональные политические элиты представляют собой значимую политическую силу, определяющую основные направления политического развития своих регионов, а следовательно, и России в целом. Поскольку регионы РФ заметно отличаются друг от друга по уровню эконо-

мического развития, национальному и конфессиональному составу, то и модернизация в каждом из них происходит по-разному. Этим обусловлена разнонаправленность политических процессов в различных регионах современной России, все отчетливее «стали проявляться разные социально-политические процессы, которые все больше стали проявлять свою специфику по отношению к федеральному центру» [2, с. 60]. В этом отношении федеральный центр (центральные органы власти) должен учитывать специфику региона, проводить политику модернизации с учетом особенностей региональных элит: «Контроль за поведением местного населения в решающей степени зависит от дееспособности местных элит, от прочности их формальных и неформальных связей с населением. Управляемость масс не может быть реализована только из центра. Центр обязан использовать в своей политике инструменты компромисса с региональными элитами для стабилизации отношений с массами», – указывает В.П. Мохов [16, с. 7]. В этом отношении политические элиты выполняют функцию сохранения баланса между требованиями федерального центра и потребностями населения региона, способствуют политической и экономической модернизации, но разными способами.

По мнению других отечественных исследователей (В. Гельман, А. Чирикова и т. д.), региональные политические элиты находятся в полной зависимости от центра, нацелены на сохранение закрытости элитных групп и существующей системы вертикали власти. «Для одних представителей региональной власти вертикаль продлила жизнь в политике, – указывает А. Чирикова, – для других – существенно упростила властные функции, для третьих – позволила не зависеть от населения, выведя элиты из накала выборной борьбы» [20]. Подобный тезис справедлив не только для представителей элитных групп и бюрократии, занимающих должности, на которые назначают вышестоящие инстанции, но для ряда представителей региональных политических элит, занимающих выборные должности, но выдвигаемых на них различными политическими институтами, прежде всего политическими партиями. В этих условиях представители политических элит зависят только от тех

политических сил, которые их продвигали, но не подлежат политической подотчетности населению, институтам гражданского общества, выражающим интересы и потребности различных категорий населения региона. А в «отсутствие политической подотчетности российская бюрократия, в том числе региональная элита, оказывается заинтересована в сохранении статус-кво, а не в модернизации» [13, с. 56]. Региональные политические элиты не заинтересованы в продвижении региональных проектов и программ, способствующих развитию региона, повышению уровня жизни населения. Их представителям важнее сохранение собственного статуса: «Мотивация риска и поиска новых перспектив оказывается слабее мотивации выживания во власти, которая остается мощным внутренним стимулом для повседневной управленческой деятельности региональных элит. Именно на этом фоне развивается феномен коротких целей у региональной власти. Жесткое подчинение и управление с помощью страха потерять свое «место под солнцем», административный отбор лояльных кадров, неформальные практики не могут рождать политических лидеров, способных совершить модернизационный прорыв» [20].

Согласно третьей точке зрения региональная политическая элита неоднородна и разбита на конкурирующие группировки, тесно связанные с московскими и местными бизнес-сообществами [3; 15]. Так, М.Н. Афанасьев в качестве основного фактора формирования и деятельности выделяет «клиентелизм». Говоря о конфликтах региональных элитных группировок, Афанасьев имеет в виду борьбу клик и клиентел, которые связаны с экономически заинтересованными группами. И.В. Куколев считает институционализацию региональных групп интересов гораздо более значимым элитообразующим фактором по сравнению с клиентелистскими принципами. Куколев вводит для обозначения региональных элитных групп, созданных на основе частных интересов, термин «политико-финансовые группировки».

Значимость экономического фактора в формировании элитных групп отмечают и ученые, проводящие эмпирические исследования. Так, изучая влияние различных факторов (пол, возраст, уровень доходов и др.) на возмож-

ность победы на выборах, исследователи приходят к выводу, что наибольшее влияние на успех избрания имеют такие факторы, как уровень доходов и затраты на избирательную кампанию (официальные данные). Пол, партийная принадлежность и даже занимаемая должность значимой роли не играют [11, с. 67].

Таким образом, отмечая потенциальную значимость региональных элит в модернизационных проектах, различные исследователи по-разному оценивают их реальную роль. На наш взгляд, существуют различные группы региональных элит и, соответственно, различные ориентации представителей данных групп на те или иные структуры. Одни представители ориентируются на требования и ожидания федеральных властей, другие – на интересы и потребности тех или иных категорий населения региона. В последнем случае региональные политические элиты связаны с институтами гражданского общества, функционирующими в регионе.

Это подтверждается данными экспертного опроса, проведенного методами полуструктурированного и глубокого интервью с представителями органов власти и местного самоуправления Волгоградской области в 2007 и 2010 гг. соответственно, в котором автор данных материалов принимал личное участие. По материалам интервью эксперты поддерживают постоянную связь:

1) с общественными организациями – 34,6 %, из них:

- ветеранские организации (Ветераны войны и труда, Дети военного Сталинграда и т. д.) – 33,3 %;
- женские организации (Комитет Солдатских матерей) – 20 %;
- детские организации (Детский фонд и др.) – 13,3 %;
- молодежные организации («Наши», «Новые люди») – 13,3 %;
- религиозные организации – 6,7 %;
- патриотические организации (Союз советских офицеров) – 6,7 %;
- казачьи общества – 6,7 %.

2) с депутатами – 19,2 %;

3) с коммерческими организациями – 15,4 %, из них:

- «Опора России» (это не коммерческая организация, но эксперты ее считали та-

- ковой) – 40 %;
- «Диамант» – 20 %;
- «ЛУКойл» – 20 %;
- «Каустик» – 20 %.
- 4) с мэром/губернатором – 15,4 %;
- 5) с администрацией – 7,7 %;
- 6) со структурами образования – 7,7 %.

Как видно из вышеприведенного списка, только чуть более трети респондентов поддерживают постоянные контакты с общественными объединениями. Другие контактируют с ними лишь время от времени. Этому способствует неразвитость гражданского общества в регионе, пассивность основной массы населения области. Так, по данным исследования, проведенного А.П. Галкиным, В.Н. Гуляхиным и Н.А. Тельновой, только 2,66 % жителей области отметили, что являются членами общественных объединений, которые решают социальные проблемы. При этом 60,57 % не желают участвовать ни в каких объединениях, а 32,85 % уверены в полной бесполезности своего участия [12, с. 85]. Впрочем, уровень интереса к политике среди населения области достаточно велик, что следует из данных стандартизированного интервью, проведенного при личном участии авторов этих строк в 2007 г. среди населения Волгоградской области ($n = 512$), представленных в следующей таблице.

Удивляет, что в связи с другими политическими, экономическими и социальными структурами представители политических элит поддерживают еще в меньшей степени. Особенно поражает низкий уровень постоянных связей с другими представителями органов власти и самоуправления. Это говорит о достаточно высокой степени фрагментарности политических элит Волгоградской области, разделению последних на группировки, которые не только соперничают за материальные и нематериальные ресурсы, но порой конфликтуют друг с другом.

Последний тезис подтверждается рядом высказываний респондентов. Так, один из

депутатов Волгоградской областной думы указывал (2007 г.): «Мне противно за своих коллег, которые в экран говорят одно, как, например, господин Гребенников, он ничего на самом деле не делает. В момент лицемерия он противен мне лично по характеру, хотя придет время, когда будут судить по делам... Единственное, что в моей судьбе сыграло большую роль, и я не скрываю этого никогда, Алевтина Викторовна Апарина приехала в район и предложила пойти мне работать депутатом». Любопытно, что и А. Апарина, и Р. Гребенников принадлежали в момент опроса к региональному отделению КПРФ.

Количественная обработка данных полуструктурированного интервью позволила выделить четыре основные линии рекрутирования политических элит в Волгоградской области:

1) рабочий – главный инженер (начальник отдела) – депутат/госслужащий (представитель администрации); продолжительность карьерного роста в среднем 20 лет; данная линия карьерного роста наблюдается у 64,4 % респондентов;

2) учитель (преподаватель) – директор школы (заведующий кафедрой) – депутат/госслужащий (представитель администрации); продолжительность карьерного роста в среднем 30 лет; данная линия карьерного роста наблюдается у 14,3 % респондентов;

3) следователь (адвокат) – судья – депутат/госслужащий (представитель администрации); продолжительность карьерного роста в среднем 20 лет; данная линия карьерного роста наблюдается у 14,2 % респондентов;

4) госслужащий – депутат; продолжительность карьерного роста в среднем 10 лет; данная линия карьерного роста наблюдается у 7,1 % респондентов.

Все эти способы объединяет одна общая черта: представители политических элит Волгоградской области сначала делали профессиональную карьеру, а лишь потом приходили в политику. Ни один из респондентов не ука-

Таблица

Уровень заинтересованности политической ситуацией в Волгоградской области

Ответы респондентов	Количество	% ко всем	% к ответившим
Интересуюсь политикой	258	49,14	49,14
Интересует только внешняя и федеральная политика	109	20,76	20,76
Политикой не интересуюсь	157	29,90	29,90

зал в качестве канала карьерного роста активную деятельность в политических партиях и других общественных организациях. Это говорит о том, что институты гражданского общества пока не являются каналом рекрутирования политических элит, по крайней мере в Волгоградской области. В то же время ни один из экспертов не указал на свои связи с региональными бизнес-сообществами, представителями органов федеральной власти.

Отвечая на вопросы о способах карьерного роста, многие респонденты старались акцентировать собственные заслуги, следовательно, говорить о связях с бизнесом и о собственных экономических целях в данном случае неуместно (не хотят афишировать личную зависимость от бизнес-структуры). Возможно, некоторые (подразумевается меньшинство) представители элит не отмечают устойчивой связи с бизнесом, так как действительно не используют связи такого рода. Другие используют, но прикрываются «благими» целями: *«Я был крайне не согласен с политикой исполнительной власти, особенно по отношению к предпринимательству... Есть желание отрегулировать взаимоотношения власти и народа с экономическими структурами. Первоначально к деятельности нового тогда мэра Иценко у меня лично был негатив, а затем я понял, что он хочет сделать, наладить экономику в городе, не отдавать деньги области, развивать бизнес, но потом Евгения Петровича быстро прикрыли, и все это закончилось»* (депутат Волгоградской городской думы от партии «Справедливая Россия», 2010 г.).

Качественный анализ данных интервью позволил выявить основные каналы рекрутирования политических элит Волгоградской области. На вопрос, кто являлся инициатором политического выдвижения, ответы респондентов распределились следующим образом:

1) политическая партия (общественные организации) – 60 %, в том числе:

- «Единая Россия» – 33,3 %;
- ЛДПР – 22,2 %;
- Аграрная партия – 22,2 %;
- «Справедливая Россия» – 11,1 %;
- КПРФ – 11,1%.

2) родственные/социальные связи – 26,7 %;

3) самовыдвижение (всего добился сам) – 13,3 %.

Хотя абсолютное большинство респондентов в качестве канала политического рекрутирования указывали политические партии, только представители Аграрной партии России и КПРФ имеют постоянную связь со своими региональными объединениями. Эти же представители активно сотрудничают с другими общественными объединениями, прежде всего ветеранскими. Напротив, большинство представителей партий «Единая Россия», ЛДПР, «Справедливая Россия» не только практически не сотрудничают с общественными объединениями области, но и имеют лишь формальное членство в своих партиях, не работая активно в региональных партийных ячейках. Для них политические партии только инструмент политической карьеры.

Это видно из высказываний экспертов в адрес своих коллег: *«У нас сейчас 38 депутатов. Из них 16 депутатов-одномандатников и 22 списочника. Вот среди них знаете какие есть? Вот он проснулся, и он уже депутат. С какого перепуга я не знаю. Кто-то деньги заплатил, кому-то повезло. У нас из ЛДПР ребята такие, где вообще непонятно. У него, извините, образование 4 класса, он слова не умеет правильно произносить, и он депутат ОД. Моему уму это непостижимо. И поэтому “стоимость депутатов” разная»* (депутат Волгоградской областной думы, 2007 г.); *«Кстати, мы подсчитали, сколько нужно для того, чтобы стать мэром города, надо купить всего 100000 голосов, при такой явке этого будет достаточно в условиях отсутствия второго раунда»* (депутат Волгоградской городской думы, 2010 г.); *«Не нравятся мне люди, которые ищут там, где теплее, мечутся из партии в партию, в зависимости от политической обстановки, как, например, Чувальский А. И.»* (депутат Волгоградской областной думы, 2010 г.). Помимо Чувальского, эксперты называли фамилии Волкова, Агеева и некоторых других представителей региональной элиты.

Второй канал политического рекрутирования (по оценкам экспертов) – родственные и социальные связи. Впрочем, по отношению к политическим элитам Волгоградской области это, скорее, клиентизм, основанный на принципе личного знакомства со стороны «патрона» и, соответственно, личной зависимости и преданности «клиента» своему «патрону».

Как говорил один из экспертов: «Когда прошли выборы главы города нашего, Александра Ивановича, у него были сначала свои замы, а потом один из них рассчитался. У него было два друга, ну которые как бы были его двумя замами. Но один из замов по истечению времени рассчитался, место как бы освободилось. Ну и Александр Иванович мне предложил» (заместитель главы администрации одного из районов Волгоградской области, 2010 г.). Впрочем, подобным образом порой создаются весьма эффективные управленческие команды, которые добиваются улучшения уровня развития отдельных городов и районов области.

Самовыдвижение, как канал рекрутирования политических элит Волгоградской области, было присуще директорам предприятий Волгоградской области (Г.Г. Набиев – генеральный директор ОАО «Волгограднефтемаш», В.В. Лихачев – директор ОАО «Хлебокомбинат – Волжский», П.П. Башелутсков – директор ФФГУП «Росспиртпром» ЛВЗ «Волгоградский» и т. д.), а также руководителям и владельцам региональных коммерческих структур (Н.В. Волков – генеральный директор ООО «Мир техники», Р.В. Шарифов – генеральный директор группы компаний «Статус», Г.К. Козицкий – генеральный директор ООО «Экспресс-Сити» и др.). Данные представители как правило имели ту или иную партийную принадлежность, но членство многих из них было чисто формальным. Любопытно, что когда Н.В. Волков вышел во второй тур выборов главы администрации Волгоградской области (2004 г.), то и «Союз Правых Сил», и «Единая Россия» назвали его своим кандидатом, поскольку, вступая в ряды «единороссов», Николай Валентинович «забыл» выйти из состава СПС (да и предвыборный штаб Н.В. Волкова располагался в совместном офисе СПС и партии «Яблоко»). Сам Н.В. Волков из конъюнктурных соображений позиционировал себя членом партии «Единая Россия», но последняя официально поддерживала другого кандидата – В. Горюнова. Следует отметить, что «самовыдвиженцы» являются наиболее заинтересованными в экономической модернизации региона, принимают определенные шаги в этом направлении. Они также заинтересованы и в

политической модернизации, но в этом вопросе предпочитают приспосабливаться к существующим «правилам игры».

Таким образом, анализ теоретических положений и эмпирических материалов позволяет утверждать, что, во-первых, политическая элита Волгоградской области фрагментарна, разбита на конкурирующие группировки; во-вторых, ни одна из группировок не нацелена на отражение интересов населения региона, чему способствует социально-политическая пассивность последнего; в-третьих, в реализации модернизационных проектов политическая элита не заинтересована, участвует в них лишь в той степени, в какой ее принуждает федеральный центр.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы подготовлены при поддержке гранта РГНФ 10-03-00701 а «Проблемы формирования гражданского общества в Нижневолжском регионе: опыт кросскультурных исследований».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, С. Ю. Наше прошлое, настоящее, будущее: структура власти и задачи общества / С. Ю. Андреев // Постигание. – М. : Прогресс, 1989. – 590 с.
2. Анипкин, М. А. Власть и общество: социальная и системная интеграция. Региональный аспект / М. А. Анипкин. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2009. – 246 с.
3. Афанасьев, М. Н. Клиентелизм и российская государственность / М. Н. Афанасьев ; Центр конституционных исследований МОНФ. – М. : [Б. и.], 1997. – 302 с.
4. Ашин, Г. Миф об элите и массовом обществе / Г. Ашин. – М. : Междунар. отношения, 1966. – 218 с.
5. Ашин, Г. К. Элитизм и демократия / Г. К. Ашин // Общественные науки и современность. – 1996. – № 5. – С. 59–70.
6. Бадовский, Д. В. Трансформация политической элиты в России – от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти» / Д. В. Бадовский // Полис. – 1994. – № 6. – С. 42–44.
7. Бергер, П. Капиталистическая революция: 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе / П. Бергер. – М. : Прогресс-Универс, 1994. – 320 с.
8. Биггарт, Дж. Александр Богданов и теория «нового класса» / Дж. Биггарт // Социологические исследования. – 1993. – № 7. – С. 139–150.

9. Бурлацкий, Ф. М. Современный Левиафан: очерки политической социологии капитализма / Ф. М. Бурлацкий, А. А. Галкин. – М. : Мысль, 1985. – 384 с.
10. Восленский, М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М. С. Восленский. – М. : Сов. Россия, 1991. – 624 с.
11. Галкин, А. П. Идентификация элитных групп: опыт статистического анализа / А. П. Галкин // Проблемы социальной идентификации: опыт социологического анализа. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. – С. 63–69.
12. Галкин, А. П. Политико-правовые ценности российских граждан: социологический анализ (на примере жителей Волгоградской области) / А. П. Галкин, В. Н. Гуляихин, Н. А. Тельнова // Вестн. ВолГУ. – Сер. 7. – № 2 (12). – Волгоград : ВолГУ, 2010. – С. 84–91.
13. Гельман, В. Тупик авторитарной модернизации / В. Гельман // Pro et Contra. – 2009. – Т. 13, № 5–6 (47). – С. 51–61.
14. Джилас, М. Новый класс / М. Джилас. – Нью-Йорк : Изд-во Фредерик А. Прегар, 1961. – 246 с.
15. Куколев, И. В. Российские политические элиты в переходный период. На путях к политической трансформации (политические партии и политические элиты постсоветского периода) / И. В. Куколев. – М. : МОНФ, 1997.
16. Мохов, В. П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.) : монография / В. П. Мохов. – Пермь : Перм. книж. изд-во, 2003. – 238 с.
17. Немирова, Г. И. Регион как социально-экономическая система / Г. И. Немирова // Роль региональной экономики в становлении развитого экономического пространства : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Б. Н. Ичитовкина. – Киров : Изд-во ВятГУ, 2002. – Ч. 1. – С. 39–43.
18. Понеделков, А. В. Элита: Политико-административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры / А. В. Понеделков. – Ростов н/Д : Изд-во Сев.-Кавк. науч. центра, 1995. – 340 с.
19. Радаев, В. В. Социальная стратификация / В. В. Радаев, О. И. Шкаратан. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – 317 с.
20. Чирикова, А. Региональные политические элиты и российская модернизация: мифы и реалии [Электронный ресурс] / А. Чирикова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.lawinrussia.ru/dokladi/2010-04-28>. – Загл. с экрана.
21. Эндрейн, Ч. Ф. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования / Ч. Ф. Эндрейн. – М. : Инфра-М, 2000. – 319 с.
22. Mosca, G. The Ruling Class / G. Mosca // The Logic of Social Hierarchies / ed. by E. O. Laumann [et al.]. – Chicago : Westview Press, 1971. – 343 p.
23. Pareto, V. Elites and Their Circulation / V. Pareto // Structured Social Inequality: A Reader In Comparative Social Stratification / ed. by C. S. Heller. – N. Y. : Alfred A. Knopf, 1969. – 254 p.

ROLE OF THE REGIONAL POLICY ELITES IN MODERNIZATION OF CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY: THEORETICAL ASPECT

A.V. Voytov, A.P. Galkin

On the basis of approaches in national political theory, the authors analyze the concept of 'policy elite' and prove their position with the results of regional empirical study. The authors examine the characteristics of regional policy elite, its ways and forms of recruitment and evaluate the extent of its involvement in regional modernization projects.

Key words: *policy elite, elitism, region, political institutions, power, clientele, forms of elite recruitment, modernization, social and political projects.*